

Лавров
Кирилл

14/VI-91,
80

— Вы знаете, я очень люблю старый Петербург, считаю, что это один из самых загадочных и таинственных городов. Я люблю Петербург Достоевского: эти кварталы, каналы, эти доходные дома. Но именно здесь разворачивались все события его романов. В старом городе есть что-то неразгаданное...

Уже стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя
ложится Невский,

Кирилл ЛАВРОВ:

«МНЕ СМЕШНО ЖАЛОВАТЬСЯ НА СУДЬБУ»

В этом уголке старой Москвы — в Донском монастыре — покоятся останки героев Отечественной войны 1812 года. Рядом — могилы Нарышкиных, Оболенских, печально известной своей жестокостью Салтыковой. Мы бродим среди позеленевших от времени и сырости мраморных надгробий. Мелко накрапывает дождь. Сумеречно и удивительно тихо в природе и на душе. Сама молчаливая торжественность этого места не располагала ни к разговорам на острые политические темы, ни к обсуждению животрепещущих проблем закулисной театральной жизни.

Наша беседа с артистом Кириллом ЛАВРОВЫМ, всего лишь на сутки приехавшим в Москву для участия в киносъемках, очень мало походила на обычное интервью.

Здесь Летний сад —
«Онегина» глава.
О Блоке вспоминают острова,
И по развезду

бродит Достоевский...

— Вот-вот. А в театр я люблю ходить пешком. Живу на Петроградской стороне, рядом с деревянным домиком Петра. По Троицкому мосту перехожу Неву. А дальше — через Марсово поле или через Летний сад, мимо Михайловского замка и прямо в театр.

— Как там в последнее время складываются дела?

— Непростой период для Большого драматического. Вы же знаете, что два года назад мы потеряли Г. А. Товстоногова, поэтому режиссера постоянного нет. Стали приглашать тех, других. Наконец, в прошлом году удача — встреча с Тимуром Чхеидзе, режиссером из Грузии, с которым мы очень подружи-

лись. Он поставил у нас «Коварство и любовь» Шиллера.

— Кого вы играете?

— Президента. Поскольку Фердинанда ведь уже не могу. Спектакль получился интересный. Пользуется большим успехом. Договорились с Тимуром, что каждый год он будет ставить что-то новое. Сейчас, например, режиссер репетирует спектакль по пьесе Артура Миллера «Салемские колдуньи».

Кроме того, решили восстановить гоголевского «Ревизора», некогда поставленного Г. А. Товстоноговым.

— А вы по-прежнему в роли Горюхиного?

— Да. В последнее время театр забирает у меня все больше времени. Даже в кино перестал сниматься. («Исчадие ада» — счастливое исключение). Коллеги избрали меня художественным руководителем, и я должен заботиться о таких вещах,

как поиск новых пьес, драматургов, режиссеров.

— В Москве было несколько случаев «полураспада» театральных коллективов. БАТ это не грозит?

— Мы все-таки надеемся продержаться. И я благодарен ведущим актерам, что они не ушли, когда нас постигло это горе, а как-то все вместе сплотились и постарались преодолеть этот сложный период. Все-таки за 33 года руководства театром Товстоногов сумел создать Коллектив. И сумел не только воспитать целую плеяду актеров, но и воспитать их в едином творческом принятии.

— Кирилл Юрьевич, если бы вам сейчас вновь предложили работу над образом Ленина, вы бы согласились? И вообще, были ли случаи, когда вы соглашались на роль, если не принимали внутренне авторской позиции, трактовки образа режиссером?

— Если не был согласен, то просто отказывался. Если бы мне сейчас предложили сыграть роль Ленина в интересном сценарии, где давался бы объективный анализ поступков этого человека, то я, наверное, бы согласился. Другое дело, что изменилось мое понимание самого образа, отношение к герою. Ведь за несколько лет мы получили массу новой информации об этом

человеке, узнали то, чего не могли знать раньше. А чем противоречивее и сложнее личность, тем интереснее работа над ролью. Особенно сегодня, когда есть возможность самому покопаться в спецархивах, что-то полезное вычитать для себя. Все-таки, как ни оценивать личность Ульянова—Ленина, отрицать то, что он был одним из крупнейших деятелей XX века, невозможно. Все дело в объективной подаче материала.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— Да, мне, честно говоря, грешно жаловаться. Были роли более удачные, менее удачные, были те, в которых очень хотелось, но не удалось выступить. Например, Протасов в «Живом труп».

— Кстати, к вопросу о кино. Я часто с удовольствием вспоминаю вашу работу в фильме «Стакан воды»...

Как раз в эту минуту наш диалог был прерван появившимся на дорожке человеком: «Кирилл Юрьевич, съемочная группа вас ждет». «Европа... подождет?», — подумала я, с улыбкой взглянув на артиста. Он рассмеялся, так как, видимо, и ему на ум пришла та же самая знаменитая фраза из только что обсуждавшегося фильма...

Е. КУРБАНОВА.

Фото Г. ШПУНЬКИНА.

— Вы знаете, я очень люблю старый Петербург, считаю, что это один из самых загадочных и таинственных городов. Я люблю Петербург Достоевского: эти кварталы, каналы, эти доходные дома. Но именно здесь разворачивались все события его романов. В старом городе есть что-то неразгаданное...

Уже стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя
ложится Невский,

Кирилл ЛАВРОВ:

«МНЕ СМЕШНО ЖАЛОВАТЬСЯ НА СУДЬБУ»

В этом уголке старой Москвы — в Донском монастыре — покоятся останки героев Отечественной войны 1812 года. Рядом — могилы Нарышкиных, Оболенских, печально известной своей жестокостью Салтыковой. Мы бродим среди позеленевших от времени и сырости мраморных надгробий. Мелко накрапывает дождь. Сумеречно и удивительно тихо в природе и на душе. Сама молчаливая торжественность этого места не располагала ни к разговорам на острые политические темы, ни к обсуждению животрепещущих проблем закулисной театральной жизни.

Наша беседа с артистом Кириллом ЛАВРОВЫМ, всего лишь на сутки приехавшим в Москву для участия в киносъемках, очень мало походила на обычное интервью.

Здесь Летний сад —
«Онегина» глава.
О Блоке вспоминают острова,
И по разъезду
бродит Достоевский...

— Вот-вот. А в театр я люблю ходить пешком. Живу на Петроградской стороне, рядом с деревянным домиком Петра. По Троицкому мосту перехожу Неву. А дальше — через Марсово поле или через Летний сад, мимо Михайловского замка и прямо в театр.

— Как там в последнее время складываются дела?

— Непростой период для Большого драматического. Вы же знаете, что два года назад мы потеряли Г. А. Товстоногова, поэтому режиссера постоянного нет. Стали приглашать тех, других. Наконец, в прошлом году удача — встреча с Тимуром Чхеидзе, режиссером из Грузии, с которым мы очень подружи-

лись. Он поставил у нас «Коварство и любовь» Шиллера.

— Кого вы играете?

— Президента. Поскольку Фердинанда ведь уже не могу. Спектакль получился интересный. Пользуется большим успехом. Договорились с Тимуром, что каждый год он будет ставить что-то новое. Сейчас, например, режиссер репетирует спектакль по пьесе Артура Миллера «Салемские колдуньи».

Кроме того, решили восстановить гоголевского «Ревизора», некогда поставленного Г. А. Товстоноговым.

— А вы по-прежнему в роли Горюхиного?

— Да. В последнее время театр забирает у меня все больше времени. Даже в кино перестал сниматься. («Исчадье ада» — счастливое исключение). Коллеги избрали меня художественным руководителем, и я должен заботиться о таких вещах,

как поиск новых пьес, драматургов, режиссеров.

— В Москве было несколько случаев «полураспада» театральных коллективов. БАТ это не грозит?

— Мы все-таки надеемся продержаться. И я благодарен ведущим актерам, что они не ушли, когда нас постигло это горе, а как-то все вместе сплотились и постарались преодолеть этот сложный период. Все-таки за 33 года руководства театром Товстоногов сумел создать Коллектив. И сумел не только воспитать целую плеяду актеров, но и воспитать их в едином творческом принципе.

— Кирилл Юрьевич, если бы вам сейчас вновь предложили работу над образом Ленина, вы бы согласились? И вообще, были ли случаи, когда вы соглашались на роль, если не принимали внутренне авторской позиции, трактовки образа режиссером?

— Если не был согласен, то просто отказывался. Если бы мне сейчас предложили сыграть роль Ленина в интересном сценарии, где давался бы объективный анализ поступков этого человека, то я, наверное, бы согласился. Другое дело, что изменилось мое понимание самого образа, отношение к герою. Ведь за несколько лет мы получили массу новой информации об этом

Званый гость

человеке, узнали то, чего не могли знать раньше. А чем противоречивее и сложнее личность, тем интереснее работа над ролью. Особенно сегодня, когда есть возможность самому покопаться в спецархивах, что-то полезное вычитать для себя. Все-таки, как ни оценивать личность Ульянова—Ленина, отрицать то, что он был одним из крупнейших деятелей XX века, невозможно. Все дело в объективной подаче материала.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— Да, мне, честно говоря, грешно жаловаться. Были роли более удачные, менее удачные, были те, в которых очень хотелось, но не удалось выступить. Например, Протасов в «Живом трупе».

— Кстати, к вопросу о кино. Я часто с удовольствием вспоминаю вашу работу в фильме «Стакан воды»...

Как раз в эту минуту наш диалог был прерван появившимся на дорожке человеком: «Кирилл Юрьевич, съемочная группа вас ждет». «Европа... подождет?», — подумала я, с улыбкой взглянув на артиста. Он рассмеялся, так как, видимо, и ему на ум пришла та же самая знаменитая фраза из только что обсуждавшегося фильма...

Е. КУРБАНОВА.

Фото Г. ШПУНЬКИНА.

14.04.91. 81 Лавров К.